УДК 316.65:26(470.21)

А.С.Давыдова

КОЛЬСКИЙ СЕВЕР КАК ТЕРРИТОРИЯ ДЛЯ ХРАМОСТРОЕНИЯ: ОТНОШЕНИЯ И ОЦЕНКИ

Аннотация

Представлены результаты исследования отношения (включая мнение и оценки жителей городов Мурманской области к Кольскому полуострову как к территории для постройки православных храмов. В основу статьи положены полевые материалы (тексты интервью), собранные автором в городах Мурманской области – Мурманске, Мончегорске, Апатитах, Кировске, Полярные Зори. Были выявлены точки зрения разных категорий жителей на характеристику территории Мурманской области как духовного пространства. Проведенное исследование позволяет говорить о том, что территория Кольского Севера как духовное пространство воспринимается информантами сквозь призму истории. Духовная история края находит различное отражение в текстах интервью, в зависимости от религиозной идентификации.

Ключевые слова:

Кольский Север, религиозная идентичность, духовная история, культовые постройки, строительство церквей.

A.S.Davydova

KOLA NORTH AS THE AREA FOR TEMPLE CONSTRUCTION: ALTITUDE AND EVALUATION

Abstract

Results of the research reveal attitudes, opinions and assessments of the urban residents of some towns in the Murmansk Region to the Kola Peninsula as the area for orthodox temple construction. This article is based on the interviews collected by the author in following towns of the Murmansk region: Monchegorsk, Apatity, Kirovsk, Polarnye Zori. The research has also identified different points of view on the Murmansk region as a spiritual place. It has also been concluded that the territory of the Kola Peninsula seeing as a spiritual place is perceived by the respondents through history. Spiritual history of the region is reflected in different ways depending on the religious identity of the respondents.

Key words:

Kola North, religious identity, spiritual history, religious buildings, temple construction.

В последнее время существенно активизировалось изучение православия на Севере России [Пулькин, 2009], в том числе и изучение народного православия, которому посвящено большое число работ [Теребихин, 1991; Щепанская, 1995; Панченко, 1998; Тарабукина, 2000; Мороз, 2004; Шеваренкова, 2004] и др. Данные тенденции появляются и в Мурманской обл. Существует точка зрения [Булдаков, 2001], что в Заполярье формирование православной культуры протекало иначе, чем на землях Русского Севера. На Крайнем Севере этот процесс не был осложнен заметными трансформациями религиозной традиции, отклонением от канонов, заимствованных у других конфессий соседних западноевропейских регионов или из языческих традиций местного населения (саамов). Многие формы православной традиции,

по мнению Булдакова, происходят из местной культуры и являются собственно региональными памятниками, не вызывая противоречий по отношению к основной (канонической) форме православия.

По мнению О.В.Грашевской [2013], которое соответствует историографической традиции, преемственность православной культуры на Кольском Севере значительно слабее, нежели в соседних регионах (Вологодской и Архангельской областях). Ряд историков неоднократно отмечали, что Кольский полуостров долгое время оставался безрелигиозной территорией, на которой лишь в XV веке появляются первые очаги православия [Андреев, 1920; Гордиенко, 1986 и др.], связанные с активным заселением края русскими [Ушаков, 1994]. Первые свидетельства о специфических чертах православной традиции на Кольском Севере относятся ко второй половине XIX – началу XX вв., их находим в работах С.В.Максимова [1859], Н.Я.Данилевского [1862], В.И.Немировича-Данченко [1877], К.К.Случевского [1897], П.Б.Риппаса [1899], В.Ю.Визе [1912] и др.

История православной культуры на Кольском полуострове является сложным процессом, который можно разделить на различные периоды. В частности, XX век стал для православия на Кольском Севере непростым временем, включающим практически полное уничтожение церквей в начале века и их восстановление, а также активную постройку новых в конце века. В 1917 г. на Кольском полуострове насчитывалось 53 православных храма [Ушаков, 1995]. К началу 1940-х гг. в Мурманской обл., в результате новой религиозной политики государства, не осталось ни одной действующей церкви [Бардилева, 2000]. После Великой Отечественной войны действующих храмов было четыре – в городах Кировске, Мурманске, Коле и Ковде. Благовещенский собор в Коле и Никольская церковь в Ковде были закрыты в 1960 г. [Грашевская, 2013].

Значительный рост количества храмов на Кольском полуострове отмечается в 1995 г. – после появления Мурманской и Мончегорской епархии, [Мурман Православный, 2004]. На тот момент в области уже действовала 21 церковь. На сегодняшний день на Кольском полуострове действуют 72 храма[1]. Вполне закономерной можно признать существующую тенденцию к увеличению числа церквей.

Количество храмов, их архитектурный дизайн, история создания подлежат оцениванию, нередко становясь предметом дискуссий среди населения. Появляясь, храм меняет городское пространство, становится частью городской культуры и социальной жизни. Не случайно М.В.Пулькин рассматривает строительство церквей как «сложный процесс поиска компромисса между традицией и законодательством, необходимостью строительства храмов за счет прихожан – на основании их «самопроизвольного желания» – и административным сдерживанием их инициативы исходя из возможностей полноценного обеспечения клира будущей церкви»« [Пулькин, 2009: 19].

Кольский Север с точки зрения его оценок населением как территории, обладающей определенными социокультурными характеристиками, изучен

---

[1] Данные взяты с сайта Мурманской и Мончегорской епархии (URL: http://www.mmeparh.ru/node/24/).

довольно хорошо [Змеева, 2009; Разумова, 2006, 2010]. Однако этнографические исследования оценки Кольского Севера как духовного пространства отсутствуют. Поэтому целью нашего исследования было выявление отношений, мнений и оценок жителей городов Мурманской обл. к Кольскому полуострову как к территории для постройки православных храмов.

В основу статьи положены полевые материалы (тексты 36 интервью), собранные автором в городах Мурманской обл. – Мурманске, Мончегорске, Апатитах, Кировске, Полярные Зори. Сбор материала осуществлялся в 2010-2014 гг. Основным методом исследования стало проведение простого полуструктурированного интервью. В качестве информантов выступили жители городов Кольского полуострова. Отбор информантов осуществлялся методом снежного кома (snowball sampling). К участию в исследовании привлекались представители различных групп населения. Дополнительными методами исследования стали анализ пресс-публикаций и краеведческих трудов.

Исторический фактор

Анализ полученных интервью позволяет говорить о том, что восприятие Кольского Севера как «исторически» безбожной территории сказывается на формировании оценок и представлений о процессе храмостроения. Закономерно наблюдаются разные типы дискурсов в зависимости от субъектов высказываний. В нашем исследовании мы сделали попытку выявить точки зрения разных категорий жителей на характеристику территории Мурманской обл. как духовного пространства. Основное внимание было сконцентрировано на текстах православных верующих воцерковленных людей, а также невоцерковленных верующих. Для сравнения использовались высказывания информантов с атеистическим мировоззрением (по самоидентификации).

При рассмотрении дискурсов выявлялся аксиологический аспект высказываний. Основываясь на убеждении, что коренным народом являются саамы, ряд информантов придерживаются мнения, что Кольская земля не православная и церквей стало слишком много. «Безрелигиозность» территории, таким образом, аргументируется исторически и этнически: духовная история региона ассоциирована с коренным населением. В категорию тех, кто с этих позиций негативно оценивает рост числа церквей, входят в основном невоцерковленные верующие, а также атеисты. Для последних рост числа церквей является показателем усиления церковной организации и ее представителей, отношение к которым может быть резко критическим:

Я к РПЦ негативно отношусь, особенно к повсеместному крестостроительству и засилью лицемерных попов-фанатиков. Не православная это земля, чтобы ее застраивать церквами. И саамов крестили, их не спросив. У меня большинство знакомых такого же мнения придерживаются (инф. № 1).

Действительно, история христианизации Руси, в том числе и Русского Севера, с точки зрения историков и этнографов, свидетельствует о том, что распространение вероучения, подчинение мирян его нормам зачастую приходилось проводить приказными методами. Вместе с тем, по утверждению Т.В.Листовой, «ни одно церковное установление не стало бы подлинным руководством к действию, не смогло бы определять мысли и поступки мирян,

если бы не стало органичной и в то же время направляющей частью этнической культуры» [Листова, 2001: 189].

Дополнительный аргумент отрицательного отношения к постройке церквей носит «количественный» характер:

Слишком много стало церквей! Ну, куда их столько? У нас и народа-то столько нет... (инф. № 2).

Таким образом, число храмов должно соответствовать численности населения, а население Кольского Севера признается немногочисленным. Демографических подтверждений не требуется, поскольку само утверждение является риторическим.

С точки зрения тех воцерковленных верующих, которые имеют отношение к образовательным структурам и краеведению, история колонизации края ассоциируется с началом русской православной истории. Православная история для них и есть история России, и в этом смысле история Кольского Севера проигрывает в «глубине» истории других регионов – центральных и южных:

В Белгороде есть православные школы, православные гимназии. Мы посетили три школы там, они показали нам свою работу по духовно-нравственному воспитанию. В принципе, я думаю, знаете, что здесь, у них – благодатная почва. У них очень благодатная почва. Ведь они вот на краеведческом материале, на богатейшем, вот могут выстроить... Они так и делают. У них музеи краеведческие. Вот мы были в доме творчества. У них вот это краеведение, они его используют на всю катушку. И у них очень богатый, вот эта прослойка очень богатая такая. Ну, если сравнивать с нами, у нас, конечно, история, немножко исторически, у нас другое, у нас есть история. Хоть какая, хоть она глубокая, неглубокая. Хоть какая. Может быть, нам надо еще больше в этом плане работать (инф. № 12).

Таким образом, задача религиозных краеведов состоит в возделывании не вполне «благодатной» почвы региональной истории с тем, чтобы вписать ее в историю национальную.

Сравнение Мурманской обл. с другими частями страны по критерию наличия/отсутствия традиций является достаточно распространенным:

Ну, здесь в каком плане труднее. Здесь нет традиции. Здесь люди не жили. Вот на юг приедешь, там люди живут веками. Там эти дома, им там по 300-400 лет. Там люди более гордые, им хочется выпятиться... (инф. № 3).

Особым мнением обладают некоторые представители местного духовенства:

<...> Так что жития подвижников Кольского Севера, они настолько благодатная почва для воспитания детей, именно на правде <...> Мы имеем целый сонм прославленных подвижников Севера, и основная масса этих подвижников приходится на XVI век (записано И.А.Разумовой).

Следовательно, во многом духовное пространство Кольского Севера воспринимается населением через его историю. С точки зрения представителей духовенства, это история жития Кольских святых. Современность, начавшаяся после периода длительной безбожности, ассоциируется с самым началом православного миссионерства. Для данной группы информантов характерны цикличное понимание истории и признание необходимости возвращения к «истокам» христианизации:

«Говоря о ситуации тотального разорения духовной составляющей жизни на Терском берегу, сложившейся после времен воинствующего атеизма, и необходимости ее восстановления, становится очевидной потребность в новой христианской миссии на Крайнем Севере. Невольно напрашивается параллель со временами далекого средневековья. Тогда, в XVI веке, Феодорит Кольский и Трифон Печенгский принесли сюда свет христианского учения, вступив на берега, населенные языческими племенами сколт-саамов, или, на русский манер, восточными лопарями» [Баданин, 2010: 56-57].

Одновременно Кольский Север представляется как «архаичная зона» русской культуры, место, которое сохранит православные традиции в «чистом виде»:

Чистота во всем – и в молитвах и в посте. А судить нельзя, наверное, а тем более по-простому. Может у нас здесь чувствуется. А там зачастую не видишь всего этого. Так показные. Ну, я не уверена всюду ли так, но всегда писали, что Север сохранит веру и оттуда пойдет спасение (инф. № 10).

Мифология Севера как территории, «чистой» в духовном отношении, базируется на оппозиции «центру», с которым ассоциированы негативные черты «цивилизации». Эта идея поддерживается этнографическими исследованиями, в которых Север утверждается в качестве анклава традиционной русской культуры (см., например, работы Т.А.Бернштам [1983], С.И.Дмитриевой [1988] и др). При этом, если в этнографических трудах речь идет об ареалах распространения собственно русской крестьянской культуры (прежде всего, Архангельской губернии, а также Олонецкой и Вологодской), то в данном случае Кольскому Северу – по умолчанию – приписываются свойства Русского Севера в целом, в противоречии с тем, что утверждается в отношении его «саамского» и «безрелигиозного» прошлого. Понятие «Север» выполняет свою интегрирующую роль. Противоречие снимается идеей о том, что все молодое, новое («новообращенное») дает важный импульс к развитию (обновлению) и потому связано с миссионерством. Понятие «миссия Севера», постоянно используемое в духовных текстах, хорошо знакомо многим верующим информантам. Миссия эта – охранительная:

Соб.: Как вы думаете, есть ли у Севера особая миссия?

Инф.: Да, она, естественно, есть. Вот всякое государство, оно прирастает. Здесь на Севере люди совсем другие, чем на юге. Да? Это начинаешь замечать, когда видишь их. Мы здесь немножко другие. И, наверное, в этом миссия. Когда там города прирастали деревнями. Там Ломоносов с глубинки пришел и поднял российскую академию. Так и сейчас Север у него особая миссия – хранительницы (инф. № 3).

Оценка пространства

Итак, духовная миссия Севера, по мнению верующих воцерковленных информантов, охранительная. Ее задача – сохранить веру в «истинном» виде. Задача достаточно трудная, поскольку все пространство Кольского Севера понимается как «нечистое»:

«<…> Кольский Север, Крайний Север – это особое пространство, это вотчина князя тьмы. Древняя вотчина, здесь, на Севере, воздвиг он престол свой, чтобы сесть в сонме богов <…>. Здесь, в этих местах идет борьба двух сил…» [Баданин, 2004].

Есть еще такая вещь. Одна моя знакомая, человек, казалось бы, не сильно религиозный, однажды сказала мне в горах. Эх, какая красота! Вот бы здесь бы храм поставить или часовенку! Я ей: Ну, приплыли, как красота, так сразу давайте храмы ставить! (инф. № 6).

Радикальная позиция в отношении постройки и установки культовых сооружений может находить выражение в радикальных действиях:

К примеру, у меня есть знакомые, я не буду говорить кто (говорит тише). Он ведут борьбу с крестами. Они сбивают эти кресты, которые повадились устанавливать везде, где не надо (инф. № 1).

Оценка места расположения церквей в городском пространстве

В представлении ряда невоцерковленных верующих информантов прослеживаются различия понятий «храм для души» и «храм для надобности». Одно из различий касается собственно места расположения культового здания. С одной стороны, место храма в городе должно быть близко, доступно. Желательно, чтобы он находился там, куда всегда можно попасть, «забежать, проходя мимо». С другой стороны, храм предполагает удаление от «мирской суеты», воплощением которого являются одинокая часовенка или храм на природе. В текстах невоцерковленных верующих высказываются мнения об идеальном для богослужения месте. Оно по своей сути не находит места в реальности и существует вне зависимости от обычных практических представлений об удобстве, доступности. Образ идеального места расположения храма выражает стремление уединиться от всего мирского:

Вообще, самое подходящее место, мне кажется, это вот как раз природа. Какая-то возвышенность. Возле водоёма. И однозначно не подходят районы, где есть магазины. Что там я не знаю еще? Промышленные объекты. Жилые кварталы. Место должно быть довольно уединенным, красивым. Одухотворенным, окруженным природой. И не должно быть рядом ничего такого приземленного. То есть если ты выходишь из храма и упираешься сразу взглядом в рынок, то впечатление теряется сразу (инф. № 5).

Обращает на себя внимание семантический антонимический ряд: к традиционно противопоставленному храму «торжищу» добавлены жилое (повседневное) и производственное («цивилизационное») пространства. В синонимическом же ряду с духовным пространством находится природное:

Конечно, нужно возрождать храмы и возрождать духовность. Вообще, хотелось бы построить храм где-нибудь подальше от цивилизации, на природе, храм нужен для души, посидеть подумать о душе ... (инф. № 4).

Таким образом, городское пространство ассоциируется с «бездуховным» и нечистым местом как таковым. Это является распространенным мотивом в русской фольклорной традиции и апокалиптической литературе [Ахметова, 2010: 94].

Можно проследить границу между миром людей, где сопряжено все суетное, греховное, и миром природы, которая воспринимается как место более чистое, в том числе в прямом «экологическом» смысле:

...Очень интересно в горы ходить. Я очень люблю в горы ходить. Вот очень хочется найти такое место, где не видно, где дымятся трубы наших фабрик, ***где не видно хвостохранилища****, где бы просто хотелось бы посидеть поближе к Богу и подумать, вот я бы там тоже храм бы построила, но пока*

такого места не нашла (смеется). Потому что для чего он нужен, для того, что ***от мирской суеты*** *вдруг в какой-то момент нашел минуточку для себя для своей души. Вот для чего храм нужен. Это моя точка зрения* (инф. № 4).

Оценка последствий постройки культовых объектов

Постройка культовых объектов у воцерковленных верующих связывается с природно-климатической спецификой края. Суровость климатических условий как бы смягчается присутствием церквей и часовен, природа «очищается» вместе с человеком:

...самое интересное, что по мере покаяния изменилась у нас вот эта – экология. Раньше висели, я вот помню все это. Всю зиму. Облака вот так висят (показывает). Горизонт закрыт. Я даже не видала никогда, что там горы есть. Вот там, на горизонте. Вот там вот. Их не видно было. Все было тьма, облака висели над землей вот так все время. А сейчас? Чистенький горизонтик. Небо высоко. Облака где-то выше. И свет, солнце! И даже, даже в декабре, декабре я видела, ну не солнце, а то, что лучи солнца откуда-то там издалека, но уже какое-то вот видно было освещение у нас... облака-то не висят до земли, что рукой достать можно, даже это. Но я вот помню, что никогда не видно было ничего, все в облаках, все висит, низко тут, как-то мрачно <...>. Так очищается вместе с душами и природа наша! Как все взаимосвязано. Все зависит от нас. И когда начинают, вот там власти чего-то там не могут. Да, если мы каждый себя начнем чистить, очищать, и изменится все. Когда каждый начнет с себя. Вот эта взаимосвязь трудно понимаемая (инф. № 7).

Облагораживанию поддается не только климат, но даже и городская среда, включая самую неблагоприятную: «От всего отдаленного и в целом заброшенного района каким-то непонятным образом исходит благотворное влияние храма. На 23 км. Погода лучше и чаще проглядывает солнце» [Православная газета, 2000: 4]. Комментируя данное высказывание, заметим, что место расположения храма на 23-м километре, промышленной окраине Кировска, может рассматриваться, скорее, как неудобное. Это обстоятельство требует адаптации, то есть оправдания. Изначально неблагоприятное место расположения компенсируется самой сутью объекта, и храм оправдывает свое существование тем, что изменяет качество места, в том числе влияя на природные условия.

В текстах интервью с верующими воцерковленными информантами прослеживается идея о том, что Кольский Север оценивается как особая территория, которую не затронет наказание за исторический грех долговременной безбожности:

Вот, не зря же у нас, именно у нас, здесь были храмы, то есть, в то время, когда везде запрещали ... у нас здесь храмы действовали. И сейчас такое, такое обилие храмов! Это, конечно, не спроста. Это нам за страдания наших предков, это они выстрадали, можно даже сказать искупили страшный грех разрушения всего (инф. № 13).

Эсхатологические мотивы также находят отражение в текстах православных «церковных людей»:

Спасение пойдет с Севера. Здесь и природа ... трудно .... северная. Люди здесь привыкли именно к тяжелым условиям. Именно Север сохранит чистоту веры православной, потому что юг уже нарушение устава. Ну, много

нарушений. Нет, так-то там все нормально. Все равно северные люди, другие люди – добрые... Доброта, доброта именно, душевная доброта. Чтоб так помогали храму. Чтоб. Так мы это строили тяжело. Очень тяжело. Вот бабушки 70-т лет, 80-т лет, и приходили, и помогали, и красили. Если можно сказать, строили. И так, наверное, собрать легко, бесплатно, без копейки, нельзя на юге. Там батюшка сказал там надо бы прийти на храм поработать. И люди приходили, их уже и звать не надо было. Люди сами приходили. Так вот это есть (инф. № 10).

Люди

Полученные нами результаты подтверждают устойчивость противопоставления Севера и Юга (см. работы Змеевой О.В. [2010]; Разумовой И.А. [2013]), в том числе при обсуждении интересующей нас темы. Важным основанием является различие типов и отдельных черт человеческого характера:

Весь край же процветал. Люди сюда приехали очень светлые. Которым... Сюда же приехали люди. Это шестидесятники, наверное, вот было очень много, слава богу, я застала, в академии наук работали, которые сюда поехали по зову души и сердца. Вот.<...>. Я приехала, на мой взгляд, в самый расцвет. В 80-е годы. Уже поработав после института, в Москве, где царил, сейчас уже и страшно говорить, какой царил дух. <...>. Сюда когда приехала рот открыла, люди-то, оказывается, работают. И им это нравится, и они здесь засиживаются на работе часами (инф. № 4).

Мнение о том, что люди Севера добрее и «чище» встречается практически у всех категорий информантов, вне зависимости от степени веры.

Среди причин, указывающих на доброту северных людей, выделяются суровые климатические условия края:

Везде людям тяжело жить. Но на Севере здесь же экология дополнительно отрицательно сказывается. Вот. Но человек сам управляет своими делами и конечно. С одной стороны сложнее, с другой стороны, здесь чище народ. Вот. Может быть, из-за того, что здесь больше трудностей. Лишений больше приходится переносить. Испытаний. Вот... (инф. № 8).

В нашем случае значимо то, что информанты, принадлежащие к православным «церковным людям», связывают преодоление трудностей с важностью накопления духовного опыта:

<...>А преодоление этих трудностей лучше, конечно, вести с Богом. Потом уже человек понимает, что без этого в жизни просто не обойтись. Приходит сюда за помощью. За духовной помощью. Физически и так далее. Нужно только понимать, что в храм нужно ходить не как на рынок. Что вот я тебе, а ты мне. Или кто-то что-то. Когда кому что помочь. Даже тогда, когда не ждешь. Мы вот с Ниной Санной чувствуем на собственном жизненном опыте <...> потому что много всякого было всего (инф. № 8).

Противопоставление северных людей людям, проживающим в других регионах, дополняется мотивом непостоянства проживания на Севере. Кольский Север воспринимается как временное место, откуда в будущем многие хотят уехать. К примеру:

Да потому, что вот как города строили? Видимо, не предполагали, что тут настолько народ задержится. Понимаете ...эээ...присутствует, как это лучше сказать? Ощущение того, что все это ну, временно (инф. № 9).

Ощущение «временности» пребывания на Севере, являющееся распространенным для многих информантов, зачастую окрашивается комментариями, создающими образ северного человека с определенным набором качеств.

Во-первых, тут люди образованные. Здесь очень хороший уровень образования. Ну, и плюс люди, которые всегда мечтают куда-то уехать, а что-то еще тут творят <...>.

То есть люди более чистые сердцем. Более добрее. Не такие агрессивные, не такие злые. Материальные блага не разложили их (инф. № 3).

Типовой портрет северного человека в представлениях воцерковленных верующих людей, дополняется сохранением им веры в Бога:

За такой короткий период – 15 лет пустыня превратилась в оазис такой вот. Динамично развивающийся. На пустом месте совершенно. Хотя многие люди здесь они были ссыльными, они должны быть озлоблены. Нет. Они все простили. А уметь прощать очень большое благо. И веру в Бога не утратили» (инф. № 3).

Варзуга – сакрализация места

По данным нашего исследования, многие информанты, независимо от степени веры, совершают поездки в Варзугу. Сама цель поездки может быть мотивирована по-разному. «Варзуга – колыбель, исток и корень, из которого вырос наш Кольский край. И какими будут духовное состояние, нравственное здоровье и материальное благополучие Варзуги, таким и будет жизнь во всем Российском Заполярье» [Баданин, 2010: 74].

Варзуга считается первым русским поселением на Кольском Севере, откуда берет свое начало православная традиция: «Самым стародавним пунктом водворения христианства в Лопской земле, кажется, можно считать берега реки Варзуги» [Огородников, 1896: 26]. Именно в Варзуге был построен первый православный храм. Дата его постройки продолжает быть предметом дискуссий. Вполне вероятно, что Успенская церковь, построенная в 1674 г. на юго-востоке Мурманской обл., в Варзуге, не первая. Ряд исследователей придерживаются мнения, что ранее на ее месте существовала одноименная, которая тоже была с шатром [Ушаков, 1998: 205]. Успенская церковь впервые упоминается как придел Никольской церкви, восстановленной соловецкими монахами в 1491 г. на старом «месте церковном», на Никольской стороне села. [Баданин, 2010: 70].

Варзуга занимает лидирующую позицию в иерархии святых мест Кольского полуострова, является своего рода сакральным центром, местом паломничества. Многие из опрошенных нами информантов ездили или хотели бы побывать там:

«Вот, я не была в Варзуге ни разу, к своему стыду. Там, вроде и экскурсионные автобусы возят туда. Вот надо бы обязательно. Там храм этот, многовековой, и природно тоже интересно» (инф. № 21).

Здесь уместным кажется упомянуть о том, что, согласно этнографическим исследованиям, «путешествие к святыням всегда считалось у крестьян делом богоугодным» [Громыко, 1991: 70]. Храм в представлениях

массы русских был священным центром того, что теперь нередко называют малой Родиной [Громыко, Буганов, 2000: 60]. В каждой местности была популярна своя святыня, которая притягивала к себе паломников с данной территории [Щепанская, 1995: 111]. В сегодняшнем понимании жителей Кольского Севера Варзуга, если использовать формулировку Т.Б Щепанской, – место, куда стягиваются «коммуникативные потоки» [Щепанская, 1995: 157]. С этого места начинается обживание территории. «Поскольку раньше, чем обрабатывать землю и рожать детей, землю освящали – обозначали центр, куда будут стягиваться коммуникативные потоки: коммуникативная структура устанавливалась раньше производственной. Новые поселенцы начинали со структурирования пространства. А основополагающей формой обживания чужого места являлась постройка храма. Впоследствии это место становится местом паломничества» [Щепанская, 1995: 158].

Вполне вероятно, что здесь мы имеем дело с созданием провинциального мифа. «Компенсаторный» топос «провинциального мифа», согласно которому провинциальный локус является или должен являться центром каких-нибудь земель [Разумова, 2000: 296].

Подведя небольшой итог вышесказанному, согласимся с Ж.В.Корминой [2006] в том, что состав верующих, для которых святыня реально существует, неоднороден. Ее функция для разных групп населения многообразна. Если для паломников, владеющих местной фольклорной традицией, она – символ локальной идентичности, аккумулирующий в себе коллективную память, то для пришлых паломников – просто один из множества аналогичных священных локусов. А для местного духовенства – нуждающееся в окультуривании святое место, продуманное использование потенциала которого может привлечь внимание к приходу со стороны паломников и церкви со стороны паствы: «Варзуга - особая, сакральная точка на территории нашего края. Здесь решаются какие-то очень важные вопросы земного бытия и человеческой истории. Здесь проходит рубеж извечного противостояния между светом и тьмой, между святостью и грехом… Совершенно необходимо предпринять усилия по приданию поселению особого статуса духовного центра Поморья, историко-культурного и природного заповедника Мурманской области» [Баданин, 2010: 74].

Выводы

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что территория Кольского Севера как духовное пространство воспринимается информантами сквозь призму истории. Духовная история края находит различное отражение в текстах интервью в зависимости от религиозной идентификации. Информанты атеистического мировоззрения, а также ряд невоцерковленных верующих при аргументации своих позиций связывают духовную историю края с коренным населением. Длительный период «безбожности», таким образом, воспринимается как составляющая этнической культуры региона. С точки зрения тех воцерковленных верующих, которые имеют отношение к образовательным структурам и краеведению, история колонизации края ассоциируется с началом русской православной истории.

Представители духовенства рассматривают историю региона как историю жития Кольских святых. Современность для данной категории информантов, начавшаяся после периода длительной советской безбожности,

ассоциируется с самым началом православного миссионерства в XV веке. В представлениях данной группы, а также воцерковленных верующих пространство Кольского Севера понимается как «нечистое», захваченное злыми силами и оно нуждается в одухотворении, в частности, через постройку культовых объектов. Отношение к установке последних зависит не только от религиозной идентификации информантов, но и также от месторасположения объектов. К примеру, церковь в городе у информантов атеистического мировоззрения осознается как часть городской культуры, в то время как постройка храма и других культовых сооружений, возведенных в удалении от города, вызывает отрицательные оценки. То, что может быть построено в городе, не должно касаться природы. Одновременно с этим у невоцерковленных верующих существуют представления об идеальном месте для храма, удаленном от всего мирского. Здесь можно проследить разницу в представлениях между миром людей, где сопряжено все суетное, греховное, и миром природы, которая воспринимается как место более чистое, в том числе в прямом «экологическом» смысле.

У воцерковленных верующих постройка культовых объектов связывается с природно-климатической спецификой края. Суровость климатических условий Кольского Севера как бы смягчается присутствием церквей и часовен, природа «очищается» вместе с человеком, что опять же связано с демонологическими представлениями о захваченном окружающем пространстве дьяволом. Представления воцерковленных верующих о духовном пространстве Кольского Севера дополняются наличием его охранительной миссии. В связи с этим дополняется и портрет северянина сохранением им веры в Бога. Особый портрет северного типа людей является составной частью локальной идентичности, своего рода маркером, отличающим людей данной местности от всех других.

Многие информанты совершают поездки в Варзугу, которая занимает лидирующую позицию в иерархии святых мест Кольского полуострова. Для верующих воцерковленных людей Варзуга является своего рода сакральным центром, локальной святыней, над которой злые силы не имеют власти. Это место, куда стягиваются «коммуникативные потоки» различных групп населения вне зависимости от степени веры.

Сведения об информантах

Информант № 1 – женщина, 1976 г.р., уроженка г.Кировск, атеист; записано в г.Апатиты, апрель 2013 г.

Информант № 2 – женщина, 1966 г.р., уроженка г.Мурманск, атеист; записано в г.Мончегорске, май 2013 г.

Информант № 3 – мужчина, 1959 г.р., уроженец х.Садки, Приморск-Ахтарского района Краснодарского края, воцерковленный верующий; записано в г.Апатиты; май 2010г.

Информант № 4 – женщина, 1958 г.р., приехала в 80-е г. из Москвы, воцерковленная верующая; записано в г.Апатиты, март 2013 г.

Информант № 5 – женщина, 1980 г.р., уроженка г.Апатиты, невоцерковленная верующая; записано в г.Апатиты, июнь 2010 г.

Информант № 6 – женщина, 1977 г.р., уроженка г.Мурманск, атеист; записано в г.Донецке Ростовской обл., июль 2010 г.

Информант № 7 – женщина, 1941 г.р., родилась в Архангельской обл., воцерковленная верующая, член православной общины; записано в г.Кировске, март 2013 г.

Информант № 8 – мужчина, 1955 г.р., член православной общины; записано в г.Апатиты, ноябрь 2010 г.

Информант № 9 – мужчина, 1980 г.р., невоцерковленный верующий; записано в г.Мурманске, декабрь 2011 г.

Информант № 10 – женщина, 1960 г.р., член православной общины; записано в г.Апатиты, ноябрь 2010 г.

Информант № 12 – женщина, прибл. 1960-1963 г.р., воцерковленная верующая; записано в г.Апатиты, апрель 2013 г.

Информант № 13 – женщина, 1951 г.р., уроженка п.Вытегра Ивановской обл., воцерковленная верующая; записано в г.Кировске, апрель 2013 г.

Информант № 21 – женщина, 1957 г.р., невоцерковленная верующая; записано в г.Полярные Зори, март 2013 г.

Список литературы

Андреев А.И. К истории колонизации западной части Кольского полуострова // Дела и дни. 1920. Кн.1. С. 23-36.

Ахметова М.В. Конец света в одной отдельно взятой стране: Религиозные сообщества постсоветской России и их эсхатологический миф. М.: ОГИ; РГГУ, 2010. 336 с.

Баданин (Игумен Митрофан). Варзуга – старейшее поселение Кольского Севера. Исторический путь формирования духовности и традиции // Варзуга – первое русское поселение на Кольском Севере: материалы региональной научно-богословской историко-краеведческой конференции. Вторые Феодоритовские чтения / под. ред. Игумена Митрофана (Баданина). Изд. 2-е, доп.). СПб.: Ладан, 2010. 304 с.

Баданин М. Беседа с отцом Митрофаном, настоятелем Успенского прихода с.Варзуги. 2004. URL: http://e-project.redu.ru/virtual/varzuga/material/beseda.htm.

Бардилева Ю.П. Государственно-церковные отношения на Кольском Севере в первой трети XX века: автореф. дис. … канд. ист. наук. Архангельск, 2000.

Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в.: этногр. очерки. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1983. 231 с.

Булдаков Д.С. Региональный фактор в становлении православной традиции на Крайнем Севере европейской России: дис. … канд. культурол. наук. СПб., 2001.

«В нашем храме я чувствую благодать» // Православная газета. 2000. Дек. (№ 9). С. 4.

Визе В.Ю. Из путевых заметок по р.Умбе // Изв. Архангельского общества изучения Русского Севера. 1912. № 12. С.555-559.

Гордиенко Н.С. «Крещение Руси»: факты против мифов и легенд. Полемические заметки. Л.: Лениздат, 1986. 287 с.

Грашевская О.В. Религиозная ситуация в Мурманской области // Проблемы развития территории. 2013. Вып.6 (68). С. 90-97.

Громыко М.М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. 269 с.

Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М.: Паломник, 2000. 542 с.

Данилевский Н.Я. Рыбные и звериные промыслы на Белом и Ледовитом морях // Исследования о состоянии рыболовства в России. СПб., 1862. Т.VI.

Дмитриева С.И. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М.: Наука, 1988. 239 с.

Змеева О.В. «Зона этнической бесконфликтности» и особенности регионального самосознания «северян» (по материалам Мурманской области) // Вестник Поморского университета. Архангельск: ПГУ, 2009. № 6. С.28-31. (Гуманитарные и социальные науки).

Змеева О.В. «Старожилы» и «мигранты»: опыт взаимодействия на Крайнем Севере // Вестник Орловского гос. ун-та. 2010. № 6 (14). Орел, 2010. С. 51-54. (Новые гуманитарные исследования).

Кормина Ж.В. Религиозность русской провинции: к вопросу о функции сельских святынь // Сны Богородицы. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. 304 с.

Листова Т.А. Русский север: этническая история и народная культура XII-XX века. М.: Наука, 2001. 848 с.

Максимов С.В. Год на Севере. СПб., 1859.

Мороз А.Б. Народная агиография Каргополья // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М., 2004. Вып. 3. С.43-62.

Мурман Православный / Мурманская и Мончегорская епархия. Мурманск, 2004. С 38.

Немирович-Данченко В.И. Страна холода. Виденное и слышанное. СПб., 1877.

Огородников Е. Мурманский и Терский берега по «Книге Большого Чертежа». СПб., 1896. С.26.

Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб.: Алетейя, 1998.

Пулькин М.В. Православный приход и власть в середине XVIII – начале XX века. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. 422 с.

Разумова И.А. Миграционный опыт и формирование локальной идентичности жителей Кольского Севера // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / отв. ред. А.П.Деревянко, А.Б.Куделин, В.А.Тишков; Отд-ние ист.-филол. наук РАН. М.: РОССПЭН, 2010. С.290-298.

Разумова И.А. «Мурманчане» или «северяне»? (Параметры социокультурной идентификации жителей Кольского Севера) // Модель мира коренных малочисленных народов Арктического региона: динамика взаимодействия языка и культуры в условиях глобализации и регионализации: материалы Междунар. науч.-практ. семинара (29-31 октября 2012 г.). Мурманск: Изд-во МГГУ, 2013. С.70-79.

Разумова И.А. Оппозиция «провинция/столица» в повествовательном фольклоре // Русская провинция: миф – текст – реальность. СПб.: Тема, 2000. С291-298.

Разумова И.А. «Север» – категория времени // Северяне: Проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова. Апатиты: КНЦ РАН, 2006. С.5-14.

Риппас П.Б. Кольская экспедиция 1898 года: Предварительный отчет // Изв. Имп. Русского географического о-ва. 1899.

Случевский К.К. По Северо-Западу России. СПб., 1897. Т.1.

Тарабукина А.В. Фольклор и духовная культура «церковных людей»: Опыт исследования современного фольклора: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000.

Теребихин Н.М. Сакральная топонимика Русского Севера (к постановке проблемы) // Вопросы топонимии Подвинья и Поморья. Архангельск, 1991. С.24-34.

Ушаков И.Ф. Избранные произведения. О Варзужской церкви. Мурманск, 1998. Т.3. 226 с.

Ушаков И.Ф. Храмы Кольского Севера. Предварительные сведения // Мурманский вестник. 1995. 13 окт. С.3.

Ушаков И.Ф. Церковь на Кольском Севере в досоветский период // Региональные программы основных и дополнительных курсов по религиоведению. Мурманск, 1994. С.113-114.

Шеваренкова Ю.М. Исследования в области русской фольклорной легенды. Н. Новгород: Растр-НН, 2004. 157 с.

Шишкина Т. Награда для ревнителей православия // Хибинский вестник, 2009. № 13. С. 7.

Щепанская Т.Б. Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север. К проблеме локальных групп. СПб.: Наука, 1995. С.110-176.

Сведения об авторе

Давыдова Алена Сергеевна,
аспирант Кольского научного центра РАН

Davydova Alena Sergeyevna.
post-graduate student of Kola Science Centre RAS